

Владимир Черобеев

# Донской казак



# Владимир Сергеевич Неробеев

## Донской казак

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=30473734](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30473734)*

*SelfPub; 2018*

### Аннотация

На Дону о М. А. Шолохове сложено много легенд. О некоторых хочу поведать читателю. К ним я пристегнул несколько рассказов о «родовых вывихах» социализма.

# Содержание

Исповедь казака	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

*Зыряновой Г.В., прекрасному педагогу, специалисту в области литературы и русского языка.*

## Предисловие

На репетицию в красный уголок я пришёл заранее. Следом за мной, будто ждал меня за дверью, зашёл Николай Палыч. Пока я доставал баян из футляра, он полюбопытствовал: умею ли я играть «Матаню» и «Воронежские страдания». Вот душа человек! Нашёл о чём спрашивать! Да я ещё с соской во рту слушал эту чудную музыку и шевелил в воздухе непослушными пальчиками, словно нажимая мнимые клавиши. Как говорится, с материнским молоком впитал все замысловатые коленца, что веками собирались и хранились мудростью народной. Я взял первый аккорд «Матани». Николай Палыч вдруг подпрыгнул. Мне подумалось, он тут же пустится в пляс. Нет. Он лёгким прыжком вернулся к входной двери, припёр её тяжёлым креслом, чтобы никто не помешал, а сам расположился на стуле прямо у входа. Мои пальцы, подвластные уху, стали выводить кружевные мотивы. Конечно, баян – это не рояльная гармошка, колорит не тот. Но всё равно коленца получались одно краше другого! Николай Палыч наклонился вперёд, поставил локти на колени, ладонями закрыл лицо, стал слушать. Увлёкшись музыкой, я не заметил, когда он начал плакать. Сначала стеснительно всхлипывал, затем его плечи судорожно задрожали, при этом лопатки под белой рубашкой зашевелились, го-

лова в такт музыки вздрагивала всё больше и больше. Видя эту картину, я не знал, что делать. Остановиться? Или чёрт с ней! Мужика прорвало. С кем такого не бывает. Копишь, копишь порой в себе весь негатив, а потом вдруг брызнет из глаз, словно там полнёхонькое ведро набралось.

Моим пальцам дай лишь волю. Стали выгребать из сусеков такие коленца, пальчики оближешь! Пустил переборчики вход, чтоб достали до самой глубины души, да не царапнули, а копанули на полный штык, дабы облегчить душу. А коль переборчики пошли, ну, это уже настоящая рассыпуха. Эх! Сюда бы пяток воронежских баб, и не знаю, что стало бы с полами красного уголка. А ещё я подумал, что стало бы с Николай Палычем, если бы вместо меня заиграл Толя Корольков, мой закадычный друг юности, который впоследствии стал и является лучшим гармонистом России.

Краем уха слышу, в коридоре стали собираться студенты на репетицию. И Николай Палыч услышал. Резко поднялся, вытер лицо платком, извинился:

– Прости минутную слабость,— и вышел вон. Так случилось перед каждой репетицией.

И у таких людей, оказывается, бывают минуты слабости. Не человек, а кремень, утёс, скала. Вспомнились, как потом он мне говорил, далёкие детские годы. Дедушка иногда доставал из кованого сундука Елецкую гармошку. Вечерами слышалась незабвенная Матаня, краковяк, Елецкие страдания.

Вот таким образом я сблизился с донским казаком, директором горно-металлургического техникума (по-нынешнему колледжа). Николай Палыч Лесников иногда казался чудаковатым. Дисциплина у него была железная. Будь то будни, выходные, или просто праздничные дни, он, хоть проверяя часы, появлялся в общежитии ровно в шесть утра и поднимал всех на ноги на физзарядку. По выходным и праздничным дням тех, кто любил понежиться в постели, слегка журил: «Так всю жизнь проспийшь, и вспомнить будет нечего». А уж что говорить про занятия. Попробуй, какой ни будь студент опоздать к началу! До урока ещё пять минут, а коридоры техникума пусты, как тундра в зимнюю стужу. Одинокую муху, что за занавеской дребезжит крыльями о стекло, слышно аж в другом конце длинного помещения.

Предки Лесникова со времён Петра жили на слиянии двух рек: Дона и Воронежа. Мастерили лодки, баркасы и всё, что двигалось по рекам. Дальнейшая жизнь чуть потеснила их, и они осели на границе с Ростовской областью. По всяким меркам стали донскими казаками. Николай Палыч гордился своим происхождением, «казачьей кровью», как он выражался. Это как раз и заставляло его «чудить». Но обо всём по порядку.

Судьба свела меня с ним на Колыме. Он намного раньше меня по распределению ВУЗ-а приехал в этот суровый край. Той же дорогой, но с опозданием на четверть века прибыл туда и я, т.е. по распределению. Директор местной музшко-

лы, где мне предстояло трудиться, не покладая рук, прикрепил меня к дополнительному заработку: руководить художественной самодеятельностью в техникуме. Надо честно признаться, ехал я на Колыму не только «за туманом и за запахом тайги». Мечта иметь «жигулёнка» не одного меня сводила с ума. Тогда в моду входили «копейка» и «трёшка». Зарплата в техникуме, а она была неплохой, оказалась кстати. А что же ещё нужно было молодому человеку, решившему не отставать от жизни, шагать в одном ряду с современниками.

Должен вам заметить, что культурная жизнь колымчан, так называемый заслуженный отдых в выходные дни своей организованностью намного превышал тот досуг, который бывал на европейской части страны. Возможно, уровень колымских мероприятий был пониже «материковских». Но он был в любом посёлке, в любой деревушке, в отличие от деревень европейской части. Они вообще не знали, что такое концерты. Здесь же, на Колыме...

Вот как чешется моя душа рассказать о такой прелести. Например. Пришла пора заготовки грибов (к иному выходному ягоды созревали). Выбирается в лесу грибное место недалеко от посёлка, а этих мест хоть пруд пруди,— везде грибы, под каждым кустом. Продторг на поляне устанавливает огромные чаны для варки и мариновки грибов. Жгут под ними костры, кипятят для этого воду. Тем временем жители посёлка, как дружная семейка и мал и стар, с лукошками ходят по лесу, кто с вёдрами, кто с рюкзаками. Набив

их доверху, сносили к чанам. Обязательно каждый взвешивал набранное, ибо после этого учётчики выдавали справку, по которой в магазинах можно было получить необходимые, но редко доступные вещи, как то: шубки детишкам, радиоприёмники, магнитофоны. В конце дня уставшие грибки располагались на поляне. Кузов открытого грузовика превращался в импровизированную сцену. Завершалось всё концертом, где сегодняшний артист и зритель на поляне никто иные, как соседи по квартире или по дому.

Представляю всё это и с ножом к горлу подступает вопрос: –Господа дерьмократы! Вас не прошибает слеза от этой идиллии?!?! А я плачу, ибо дружнее наших людей трудно было подыскать в подлунном мире. Вам, обворовавшимся и обожравшимся, недосуг помнить о таких «мелочах». Поскорее набить карманы, пока не дали по рукам! Конечно, Вы сейчас станете утверждать, что, живя по-старому, нам бы многим не видать компьютеров, не сидеть в Интернете. Но вы и это испохабили! Благодаря Вам мировая паутина превратилась в огромную мировую помойку. Мат на мате и матом погоняет. Побереги Боже!

Простите, бесценный мой читатель, за то, что сбился с намеченной дороги. Но согласитесь, трудно, очень трудно сознавать, что всё бездумно разрушено и возврату не подлежит.

Так вот стал я прирабатывать в техникуме, а за одно и сблизился с Донским казаком. Николай Палыч ввёл меня в

своё окружение, а оно было далеко не ординарным. Когда собирались вместе по выходным и праздникам, то проводили всевозможные казачьи ритуалы. Сам Николай Палыч был, как бы атаманом. Другие участники имели разные звания. Тут были вахмистр, хорунжий и сотник, есаул, даже два полковника. Меня они дружно приняли в свою когорту. Присвоили звание полковника, уж не знаю, за какие заслуги.

И самое главное. В довольно просторной комнате, где проходили церемонии и ритуалы, на стене под самым потолком был прикреплён большой портрет М.А.Шолохова. Вокруг этого портрета, а вернее человека, всё крутилось и вращалось. Вроде бы взрослые, солидные люди на какое-то время становились детьми, простодушными и непосредственными, беззаботными весельчаками и балагурами. Тут обсуждались семейные и житейские вопросы. Темы были разнообразные, но ни в коем случае о работе. О ней никто и не вспоминал. Наверное, в негласном уставе было запрещено говорить на эту тему. Надо заметить, что по такому же негласному уставу на работе никто и никогда не вспоминал о «детских шалостях» накануне.

На таких вечеринках – посиделках всегда была дружелюбная шутивая обстановка. Друг над другом подтрунивали, подшучивали, но злобы, даже малейшей зависти и в помине не было.

Длинный стол от одной стенки комнаты, до другой был заставлен разными закусками и выпивкой. К выпивке никто

никого не принуждал. Соблюдался колымский закон,— каждый наливал себе сам. Душа меру должна знать!

Для женщин был большой выбор европейских вин, начиная от сладкого «Бисера» и кончая кислым «Тырнова». Мужчин тешила просто «Водка» и «Пшеничная водка», «Столичная водка» и «Старка», «Черные Тучи» 63 градусов крепости и просто чистый спирт в графинчике, а с ним рядом стояла бутылка минеральной воды. Те, кто помнит старые времена, сейчас, наверное, слюнки глотают. Ещё бы!!! Тогда мы отраву, которой сейчас потчуют нас торгаши, не пили.

В торцах стола стояли по креслу. Одно для атамана, другое для его жены. Атаманово кресло располагалось как раз под портретом писателя. От первой стопки и до последней соблюдался определённый ритуал. Атаман с рюмкой в руке, встав на колени перед портретом М.А.Шолохова, говорил примерно такие слова:

—Дорогой Михаил Александрович! Разреши рабам твоим пропустить по рюмочке. Уверяем Вас и обещаем, что честь Вашу не запятнаем дурными поступками.

Между первой и последующими рюмками шло восхваление блюд и медленное их поедание. А на столе чего только не было: рябчики и куропатки, заяц, запечённый в духовке, для чего его сутки терпеливо вымачивали в уксусе. Вкус бесподобный! Иногда бывали глухари, и даже гуси гумённики с яблоками. Я уж промолчу про всякую рыбу, корюшку и чавычу, про красную икру. Они просто не сходили с праздни-

ных столов. Ведь каждый мужик был рыбаком и охотником. Добытки!

Первостатейно хвалили женщин за их умелые руки.

–Машенька! Твоя икра из маслят просто тает во рту!

–Анюта! Рябчики в сметане – это твоя стезя!

Между тем рассказывались и обсуждались всевозможные события и новости. При этом зимние колымские вечера и ночи становились удивительно короткими. Только-только вроде бы сели за стол, туда, сюда, а уже полночь и до утра недалеко. Интересно проводили время!

Пришло это, скорее всего, из охотничьих обычаев, когда с вечерней зорьки и до утренней (с шести вечера, до семи утра) приходилось коротать длиннющие – длиннющие ночи. Тогда охотники завели такой порядок: каждый должен рассказать интересную историю. Кто не знал таких историй, наказывался строго, но справедливо. Представляете, в охотничьей избушке перед рассветом такая холодрыга, что пальца боязно показать из спального мешка, не то, что носа. А наказуемый должен был наколоть дрова, растопить печь, натаскать снега в ведро, в кастрюлю или чайник. Конечно, каждый стремился что-то рассказать, чтобы не нести рабскую повинность. Если виновного не оказывалось, тогда прибежали к простому способу: играли в карты в подкидного. Кто «дурак», тому и топор в руки.

За праздничным столом порою рассказывались не только безделушки. Очень интересные и серьёзные истории. Я

внимательно их слушал и отправлял на полку памяти в свой мозговой компьютер. Всякий раз при этом думал: «Пригодится для рассказа, а может быть и для повести». И вот теперь, пятьдесят лет спустя, они появляются в окнах моего ноутбука. Некоторые из них я хочу обнародовать.

Конечно же, первым рассказчиком будет, как и положено по чину, атаман. Вот его история.

# Исповедь казака

-Шёл последний курс в университете. Уже куча собранного мной материала для дипломной работы раскладывалась по отдельным папкам, согласно тому плану, который был утверждён научным руководителем. Тут меня неожиданно вызвали в деканат, а оттуда прямой наводкой направили на совещание в кабинете ректора университета. Народу собралось достаточно. Все учёные мужи нашего факультета. Не буду их перечислять, это ни к чему. Совещание начал ректор. Он сообщил нам, что вчера его посетил Михаил Александрович Шолохов. Ректор с радостью поведал о том, что сейчас Шолохов пишет книгу «Они сражались за Родину». Книга эта очень важная и нужная для народа, для истории страны. Огромную, мол, ношу взвалил на себя наш знаменитый земляк-писатель. Ему необходим помощник. Энергичный человек. Записать оброненную писателем фразу или мысль, покопаться в армейских архивах, найти интересные события, геройские поступки солдат и офицеров. Одним словом, ему нужен секретарь.

Не трудно догадаться, что на эту должность наметили меня, для чего и пригласили на совещание. Я поблагодарил собравшихся за доверие, пообещал, что приложу все усилия, какие во мне есть, но оговорился, что лучше бы было обозначить некоторый испытательный срок. Ведь не всякая ов-

ца достойна ловца.

–Да,— посоветовали мне,— тебе сначала надо приглядеться к ситуации, обвыкнуться. Из воды да в полымя не лезь.

Короче, с лёгким портфельчиком я прибыл в Вёшенскую. Шолохову доложили обо мне. Он вышел из флигеля в охотничьих сапогах, в брезентовой ветровке. Наверное, только что вернулся или собирался уходить на рыбалку. Не знаю. Писатель принял меня тепло, душевно. Какое-то время поговорили с ним в беседке. Тут же он дал распоряжение домашним обустроить во флигеле моё жильё-быльё.

Эх, как же хорош, воздух в Вёшенской. Лёгкий ветерок порою дунет на тебя букетом разнотравья, одурманит сразу полынью, чабрецом. Вроде бы ты окунулся в иной мир. А какие ночи там тёмные! Словно тебя полушубком накрыли, Только далёкие ясные звёзды, как отблеск надоедливых городских лампочек, равномерно мигают над тобой, умиротворяя тебя и успокаивая. Хорошо здесь работается. Никто не мешает. Конечно же, Михаил Александрович напишет замечательную книгу. И я, чем смогу, помогу ему в этом.

Утром раненько поднялся, привёл себя в порядок, стал ждать указаний. Михаил Александрович не выходил. Спал ли он, а может, и работал. Ведь многие ночами пишут, утром.

Ближе к восьми часам услышал скрип калитки: какой-то мужчина, полусогнувшись, прошёл и сел в беседке.

–Кто бы это мог быть?– спросил я прислугу

–Прототип Нагульного,— сухо ответила женщина, глянув

в окно.— Шас все соберутся,— недовольно подытожила она.— Размётнов придёт, дед Шукарь туда жа. С кнутом. Собаки прохода не дают. А Яков Лукич заявица аж сам друг: брата приведёт.

Да, действительно, вскоре в беседке места пустого надо было уже поискать. Когда среди них появился Михаил Александрович, я не видел, чем— то отвлёкся. Они перебрасывались редкими словами, и тут Яков

Лукич, прищутив левый глаз, проскрипел:

—Разговорчика бы купить. В глотке сушняк полный.

Надо вам заметить, Шолохов никогда не носил кошелька. Деньги держал в карманах брюк. Он выгреб из одного кармана мятую десятку, в том же виде пятерик и трояк. Лёгкого на ногу брата Лукича, как ветром сдуло. Секундная стрелка, наверняка, не успела сделать круг, другой, как он уж тут как тут с «разговорчиком». Ожидавшие явно оживились. И пошло и поехало. Как водится на Руси, дело катилось к поцелуям и естественной фразе: «Ты меня уважаешь?» О Русь святая! Сколько талантов утонуло под громкие поцелуи и такое простое: «Ты меня уважаешь?» Не счесть числа.

Я перед открытым окном ёрзал на табуретке, не находя себе места, в ожидании, когда это кончится.

—Та, не трусь сиди. Нужен будешь, позовуть,— с безразличием высказалась женщина прислуга.

Так продолжалось до вечера. Быстрые ноги брата Лукича несколько раз мотались в кооперацию. Так что разговорчик

не прекращался ни на минуту. Расходились, когда стадо коров, подняв облако пыли над станицей, «мукало» с неотвязной настойчивостью говоря людям: «Бросайте всё! Нам невозможно таскаться с такой тяжестью».

Завтра повторялось вчерашнее. Меня, привыкшего к дисциплине и порядку, это коробило и бесило. Надо же! Как электрички приходят по расписанию, так и прототипы появлялись в беседке. Иные люди на работу с такой аккуратностью не ходят

Позже, до меня, как до жирафа дошла такая мысль: «Михаил Александрович писал в основном ночью. Игра с прототипами своего рода отдушина, так необходима была ему, после ночных переживаний и вхождений в образы» Я помню его лицо, когда он сидел в беседке. Маленечко пригубив рюмку, он отрешённо вглядывался вдаль. Уже другие прототипы плыли перед его очами. А здесь он только присутствовал, улыбался, согласно кивая головой, нисколько не вдумываясь в суть беседы. Общение с людьми (а у казаков язык, как бритва: не успеешь очухаться, хват, хват, а ты уже лысый) рождало искромётный юмор, буйно рассыпанный в книге «Они сражались за Родину».

Тогда я был молод и малость глуп. Попытался откровенно поговорить с посетителями беседки. Они пожимали плечами, мол, мы тут не при чём. Готовы, хоть сегодня ступаться, но что на это скажет авторитет. И тут я понял, этот гордиев узел мне не разрубить. Я сослался на семейные об-

стоятельства, с тем же лёгким портфельчиком и той же дорогой вернулся в город. Успешно защитил диплом. Умные люди советовали поступать в аспирантуру при МГУ. Но я выбрал при распределении Колыму. Решил посмотреть, где начинал свою писательскую деятельность другой авторитет с Дона, Солженицын, некоторым образом мой однокашник.

—Но о Шолохове это ещё не всё. Я просто обязан вам рассказать, как ему вручали нобелевскую премию. Это интересно.

—Надо, между прочим, вам напомнить, что ни одного писателя не поливали так напраслиной, как Михаила Александровича Шолохова. Примером тому может служить «Тихий Дон». Помню студенческие годы. Сидишь, бывало, в тенистом скверике библиотеки с кучей книг, готовишься к экзаменам. Подсаживается к тебе солидный гражданин. С виду, глядя на него, не скажешь, что он какой— ни будь там проходимец. Со знанием дела рассуждает о литературе. По крайней мере, не чуждый ей человек. Заводит речь о том, что, мол, Шолохов не писал «Тихого Дона». Якобы он, будучи солдатом продотряда, отобрал чемодан с рукописью книги у раненного белогвардейского офицера.

О дневниках белого офицера. И, если бы он один был такой. Их довольно много шлялось, дурачили студентов. Поначалу меня оторопь брала. Не мудрено в такой ситуации и поверить в их бредни. Один из них, помнится, был якобы даже наследником того белогвардейского офицера. Этот на-

следник, по его собственному заявлению, стал бы богачом, если бы восторжествовала правда с «Тихим Доном». А теперь он влачит нищенское сосуществование, нигде не работает, мол, мотается по судам, ищет правду. И действительно, вид у наследника, прямо скажем неважнецкий: в разбитых штиблетах, в штанах латка на латке, и не известно, что на нём, толи куртка-ветровка, толи рубашка из толстого сукна. Он постоянно ошивался среди студентов, подбирал у них пустые бутылки. Иной состоятельный студент пошлёт его в магазин за лимонадом, за печеньем. Сдачи с него не требовали. Смотришь, к обеду, он зюзя зюзей. Кувыркнётся в скверике на скамейку, а иногда промахнётся, да шмякнется рядом с ней и спит себе беспробудно, только сопли пузырьём да рой мух под носом. Наследничек!

Но, слава Богу, правда, как и должно стать, оказалась на стороне писателя. А после этого и рукопись «Тихого Дона» нашлась. Говорили, что она сгорела во время бомбёжки Вёшенской. Пустить такой слух, а на самом деле спрятать её—это дело рук всё тех же недругов Шолохова. Мне так кажется. А может быть какие-то другие коллизии.

—Так вот о том, как Шолохов получал Нобелевскую премию. Приехал он, значит, дня за два, за три до церемонии. С будущими лауреатами проводилась репетиция. А как же?! По всему миру будут показывать по телевизору. Не дай Бог вдруг что-то не так, какие-то неувязки приключатся. Без репетиций нельзя. Даже каждую репетицию стелили ковры и

всё подобное. Понятно, чтоб люди привыкли к обстановке, не растерялись во время церемонии.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.